

УДК 821.161.1

**Границы автобиографического текста Д. И. Фонвизина
«Чистосердечное признание в делах моих и
помышлениях»**

Растягаев Андрей Викторович

Доктор филологических наук, доцент,
Самарский филиал Московского городского педагогического университета,
4431084, Россия, Самара, ул. Стара-Загора, 76;
e-mail: avr67@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена границам автобиографического текста Фонвизина «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях». Автор исследования рассматривает художественное событие как переход автобиографическим героем границы семантического поля *дома*. Оппозиция Москва / Петербург оказывается значимой и для авторского сюжета, и для мира героя. Временные и пространственные границы текста подвижны, поскольку внешний и внутренний взгляд на художественное событие для автора и героя зачастую не совпадают. Это дает читателю дополнительную возможность приблизиться к адекватной интерпретации незавершенного текста Фонвизина.

Ключевые слова

Русская литература, XVIII век, Фонвизин, граница, исповедь, художественное событие.

Введение

Литература Нового времени
дает примеры иного, отличного от

средневекового, автобиографического
повествования. Синтез новых жанро-
вых форм происходит путем конта-
минации разных жанровых моделей,

трансформации первоначальных жанровых инвариантов. Безусловной точкой отсчета нового типа автобиографизма следует считать житийный текст протопопа Аввакума. Исповедь-проповедь стала одновременно инвариантом старообрядческой агиографической традиции и светских автобиографий. Жанровая доминанта этого принципиально нового синтеза – внутренняя мера, определенная через художественное событие, предел которого – художественный мир автобиографического героя.

Сходные процессы обуславливают жанровые доминанты мемуарных текстов XVIII столетия. Один из них – «Чистосердечное признание...» Фонвизина. Текст данной автобиографической записки представляет филологический интерес как художественное произведение, т. е. как замкнутый в себе мир, новая эстетическая реальность.

Мир автобиографического героя: хронотоп, границы семантических полей, художественное событие

Мир автобиографического героя «Чистосердечного признания...»

напрямую связан с двоякой системой ценностей. Религиозная традиция задает исповедальный дискурс и агиографическую топику, а философско-этические открытия Нового времени актуализируют идею Просвещения. Художественный мир автобиографического героя требует осмысления с точки зрения сюжетологии. Прежде всего это касается таких понятий, как *художественное событие* и *хронотоп*.

По определению Н. Д. Тмарченко, «переход персонажем границ, которые разделяют части или сферы изображенного пространства-времени, и является художественным событием»¹. Пересечение героем границы семантических полей можно рассматривать с точки зрения автора-творца или читателя. С точки зрения автобиографического героя, подобный переход через сферы художественного времяпространства обуславливается его представлениями о цели и возможных препятствиях при ее достижении. Одинаково важны и внешние, и внутренние точки зрения на художественное событие. Внешняя точка зрения связана с авторской интенцией и читательским восприятием.

1 Тмарченко Н.Д. Литература как продукт деятельности: теоретическая поэтика // Теория литературы. В 2 т. Т. 1. – М.: Академия, 2004. – С. 183.

Внутренние границы в художественном мире героя определяют развитие сюжета становления в качестве художественной доминанты.

Для автобиографического повествования характерен «новый тип биографического времени и новый специфический образ человека, проходящего свой жизненный путь»². Автобиография отличается от биографии еще и тем, что повествует только о части жизни человека, т.е. времени до момента написания. Поэтому для мемуарного текста особую роль играет точное время его создания: оно автоматически становится границей биографического времени. Датировка «Чистосердечного признания...» Фонвизина до сих пор остается спорным вопросом в истории литературы XVIII века. Г. П. Макогоненко считал, что текст был создан писателем в последний год жизни, т.е. в 1792 году³. Л. И. Кулакова утверждала, что «мотивы покаяния появляются лишь с осени 1791 г.», овладевая тяжело больным писателем⁴. Н. Д. Кочеткова указывает

ет лишь на последний период жизни Фонвизина, когда он «стал работать над сочинением типа мемуаров»⁵. Более близкой к истине нам представляется точка зрения Г. И. Романовой: автор энциклопедической статьи датирует автобиографическое сочинение Фонвизина 1789 годом⁶. Близкой точки зрения придерживались К. В. Пигарев и Г. М. Фридлиндер: датой создания «Чистосердечного признания...» они считали конец 80-х – начало 90-х гг. XVIII века⁷.

Чтобы установить дату создания фонвизинского текста, исследователи традиционно обращаются к тексту вступления «Чистосердечного признания...». Действительно, если напрямую доверять автору-повествователю, то он прямо указывает на «свой» биографический возраст: «...Но я, приближаясь к пятидесяти летам жизни моей...» (81)⁸. Однако использование любого

2 Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худ. лит-ра, 1975. – С. 281.

3 Макогоненко Г. П. Денис Иванович Фонвизин: Творческий путь. – М.; Л.: Гослитиздат, 1961. – С. 364.

4 Кулакова Л.И. Денис Иванович Фонвизин. – М.; Л.: Просвещение, 1966. – С. 161.

5 Кочеткова Н.Д. Фонвизин в Петербурге. – Л.: Лениздат, 1984. – С. 223.

6 Романова Г.И. Автобиография // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. – М.: Интелвак, 2003. – Стб. 16.

7 Пигарев К.В., Фридлиндер Г.М. Фонвизин // История всемирной литературы: В 9 т. Т. V. – М.: Наука, 1988. – С. 381-385.

8 Здесь и далее автобиографический текст Фонвизина цит. по: Фонвизин Д.И. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях // Собрание со-

художественного автобиографического произведения в качестве материала к научной биографии писателя имеет свои пределы. Если под текстом «Чистосердечного признания...» понимать прежде всего эстетическое единство произведения, то читатель должен воспринимать мир героя не как сферу обитания реального человека, а как эстетический объект. Другими словами, условный рубеж пятидесяти лет – это не что иное, как граница семантического поля, к которой стремится автобиографический герой.

Большинство исследователей связывают интерес Фонвизина к исповедальному жанру с «Исповедью» Руссо: «...вслед за Руссо Фонвизин хочет провести испытание своей совести»⁹. В знаменитом вступлении к невшатльской редакции Руссо находим: «...я пережил столько страстных увлечений, видел столько разных людей, прошел через столько общественных положений, что за пятьдесят лет своей жизни мог бы пережить столетие...»¹⁰. Очевидно, что

чинений: В 2 т. – М.; Л.: ГИХЛ, 1959. – С. 81-104. Страницы указываются в тексте, статьи в круглых скобках.

9 Кочеткова Н.Д. Фонвизин в Петербурге. – Л.: Лениздат, 1984. – С. 223.

10 Руссо Ж.-Ж. Избранные произведения: В 3 т. Т. 3. – М.: ГИХЛ, 1961. – С. 670.

ни Фонвизин, ни Руссо не указывают свой точный биографический возраст, более того, сходство двух текстов не может быть объяснено простым заимствованием. На наш взгляд, пятидесятилетний возраст – это особый предел, который мотивирован прежде всего библейской традицией.

С. С. Аверинцев в статье «Стилистические проблемы библейского перевода» рассматривает соотношение двух евангельских толкований возраста Христа в начале Его служения¹¹. Так, евангелист Лука указывает на возраст около тридцати лет: «Иисус, начиная Свое служение, был лет тридцати» (Лк. 3. 23). Апостол Иоанн отсылает к иудейской традиции: «Авраам, отец ваш, рад был увидеть день мой; и увидел, и возрадовался. На это сказали Ему иудеи: Тебе нет еще пятидесяти лет, – и Ты видел Авраама? Иисус сказал им: истинно говорю вам: прежде нежели был Авраам, Я есмь» (Иоанн. 8. 56-58).

Очевидно, что для историка Луки биографический возраст Христа обусловлен хронологической точностью и фактически более верен. Однако иудейская традиция, воспро-

11 Аверинцев С.С. Собрание сочинений / Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. – Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. – С. 838.

изведенная Иоанном, подразумевает не возрастное, а духовное иерархическое старшинство: до достижения пятидесятилетнего рубежа Иисус, с точки зрения иудеев, не мог претендовать на роль истинного Учителя. Более того, юность Иисуса для них становится первопричиной разного рода обвинений: «...не правду ли мы говорим, что Ты Самарянин и что бес в Тебе?» (Иоанн. 8. 48). Иудеи не поверили Иисусу и даже «взяли камня, чтобы бросить на Него...» (Иоанн. 8. 59).

Таким образом, с точки зрения традиционного сознания, пятидесятилетний рубеж отделяет время профанной юности от стадии сакральной мудрости. Очевидно, что выявленное нами типологическое сходство вступлений к двум автобиографическим текстам Фонвизина и Руссо обусловлено не попыткой состязательности или заимствования, а более глубоким архетипом, где автор претендует на роль авторитета.

В тексте «Чистосердечного признания...» Фонвизина пятьдесят лет – это не точный фактический возраст биографического автора, а внутренняя граница в мире героя, обуславливающая саму возможность автобиографического повествования.

Особенности композиции: хронотоп и мотив *дома*

Во вступлении «Чистосердечного признания...» оговаривается композиционная схема будущего повествования, которая подчинена биографическому времени. По авторскому замыслу, четыре книги его признания – это четыре периода жизни автобиографического героя: младенчество, юношество, совершенный возраст и приближающаяся старость. Подобный план развития сюжета обусловлен авторской точкой зрения, но внутренние границы в мире героя имеют несколько иной характер.

Так, текст вступления заканчивается образом *дома*: «Можно сказать, что дом моих родителей был тот, от которого за добродетели их благодать божия никогда не отнималась. В сем доме проведено было мое младенчество, которого подробности в следующей книге читатель найдет» (84). Локус *дома*, утвержденный Фонвизиним, становится результатом трансформации нескольких традиций. Чувство *дома* значимо как с точки зрения автора, так и с точки зрения автобиографического героя. Именно ощущение *дома* как особо-

го семантического поля Фонвизин противопоставляет принципиальной *бездомности* Руссо. В «Чистосердечном признании...» образ *дома* становится повторяющимся элементом сюжета, от которого напрямую зависит его развертывание. Можно сказать, что образ *дома* – это сюжетообразующий мотив «Чистосердечного признания...».

Книга первая, повествующая о младенчестве автобиографического героя, совершенно естественно ограничивается *времяпространством дома*. Круг общения – отец, мать, родная сестра отца. Благодаря заботе близких пребывание в отчем доме отождествляется с благодатным временем, некими идеальными обстоятельствами жизни. Именно дома герой впервые начинает узнавать и познавать себя: «Не естественно человеку помнить первое свое младенчество. Я никак не знаю себя до шести лет возраста» (84). Однако далее свойственная автобиографической форме повествования причинно-временная связь событий жизни героя подменяется причинно-следственной, значимой исключительно для автора. Примером подобной смены точки зрения становятся первые годы жизни, воспоминания о которых нарушают пространственно-

временные приметы в осмысленном и конкретном целом домашнего пребывания героя. С одной стороны, автор «не знает» себя до шести лет, с другой – автобиографический герой изображен в тексте «Чистосердечного признания...» еще трехлетним младенцем, которого отнимают от кормилицы. Еще более парадоксально звучит следующая фраза: «В четыре года начали учить меня грамоте, так что я не помню себя безграмотного» (84).

Явное противоречие финального предложения с первым требует интерпретации. На наш взгляд, *время автобиографического героя*, которое должно подчиняться естественному биографическому течению жизни, подменяется *временем автора*. Авторское *времяпространство* подчинено лишь художественной логике, в которой герой – субъект действия, актер. *Временная граница* четырехшестилетнего возраста осмысливается как предел биографического времени младенчества. Два события этого периода жизни построены по принципу параллелизма: в три года отняли от кормилицы, в четыре – начали учить грамоте. Слова «Я никак не знаю себя до шести лет возраста» и «я не помню себя безграмотного», т.е. с четы-

рех лет, не противоречат друг другу с авторской точки зрения. Молоко кормилицы, которого лишился младенец, соотнесено с грамотой, начавшей питать становящегося героя. Естественное начало питается пищей биологической, дух же жаждет Слова.

Для Фонвизина при всем внешнем сходстве с античной традицией важна идея становления на путь добродетели. Цель автора – установить некий рубеж семантического поля, определяющий границу между естественной греховностью человека и его сознательным выбором пути добродетели. Поэтому отбор конкретных эпизодов в «Чистосердечном признании...» не случаен, а мотивирован авторской интенцией акцентировать внимание читателя на конкретных событиях собственной биографии для того, чтобы выработать определенное правило, полезное для всякого детского воспитания.

Основу этого правила должна, по мысли Фонвизина, составлять высшая духовная способность человека жить осознанной эмоциональной жизнью, жизнью сердца. Поэтому мотив дома обращен в «Чистосердечном признании...» еще и к традиции западноевропейского сентиментализма.

Годы учебы: семантическое единство хронотопа дома и университета

Годы обучения в университетской гимназии и даже начало работы в Коллегии иностранных дел связаны с Москвой и родительским домом, который автор «Чистосердечного признания...» не желает покидать и по-прежнему живет в семье. Поэтому переход автобиографического героя из мира детства в пору ученичества не несет в себе изменения хронотопа. Значимый, с точки зрения автора, биографический момент приобщения к университетской жизни не осмысливается в категориях пространственного перемещения героя. Это мотивировано тем, что гимназия находилась рядом с Кремлем, в получасе ходьбы от дома Фонвизиных, и не воспринималась как иное времяпространство. Более того, пространство университета, как и родительский дом, освящены авторитетом отца, поскольку Денис и Павел Фонвизины были отданы в учение по воле родителя.

Университетская жизнь изображается как череда статических художественных эпизодов, связанных между собой ироническим пафосом. Здесь и курьезные случаи во время экзаменов

по латыни и географии, и самоирония по поводу присуждения медали за незнание того, «куда течет Волга» (88). Семантическое единство дома и университета подчеркивается автором на уровне текста несколько раз.

Немалая роль в «Чистосердечном признании...» отводится целенаправленному изучению языков. Любовь к слову была обусловлена двумя моментами. Первый целиком и полностью трактуется Фонвизиним в религиозном ключе. Сам факт обучения автобиографического героя чтению напрямую увязывается с набожностью родителей и домашними молитвами: «Как скоро я выучился читать, так отец мой у крестов заставлял меня читать. Сему обязан я, если имею в российском языке некоторое знание. Ибо, читая церковные книги, ознакомился я с славянским языком, без чего российского языка и знать невозможно» (87). Грамотность как таковая воспринимается как Божья благодать: любовь и строгость отца истолковываются как Божественный дар и знак высшего авторитета.

Второй момент обусловлен особым качеством подготовительного курса гимназии при Московском университете. Как известно, при Петре I предпочтение отдавалось техни-

ческим дисциплинам. В Московском университете, особенно в гимназии, процветали гуманитарные науки, поэтому неслучайно Фонвизин укажет: «Склонность моя к писанию являлась еще в младенчестве, и я, упражняясь в переводах на российский язык, достиг до юношеского возраста» (88).

Переводческая деятельность: «грехопадение» автобиографического героя

Как и большинство русских писателей XVIII столетия, Фонвизин входит в литературу через переводческую деятельность. Во многом это может быть объяснено утилитаристской педагогикой, в основе которой лежал принцип полезности: переводить с одного языка на другой становится для Фонвизина и обязательным для гимназиста занятием (именно по качеству перевода судили об успешности ученика), и этапом перехода к самостоятельной жизни. А. Стричек указывает точную дату принятия Фонвизина на последний курс гимназии – 17 декабря 1758 года. В биографии писателя это рубежный период – пора отрочества, время «бурных страстей».

Примечательно, что переход от младенчества к юности не свя-

зан с внешним перемещением героя. Однако внутренние границы между добродетельностью и страстями оказываются подвижными. Общий пафос Книги второй «Чистосердечного признания...» задается тематическим ключом из 50 псалма, вынесенным в эпиграф. «Вкус к словесным наукам», привитый немецким (язык предков), латинским и церковнославянским (сакральные языки христианства) языками, таил в себе опасность искушения соблазнами суетного мира. В подтексте «Чистосердечного признания...» бурные страсти, овладевшие юношей на пороге самостоятельной жизни, соотносятся с переводческим и словесным творчеством. С одной стороны, автор с высоты жизненного опыта дает негативную оценку своей переводческой деятельности и предупреждает молодых людей об опасностях, которые таят в себе переводы. С другой – автобиографический герой не скрывает искренней заинтересованности, увлеченности, даже гордости за свой труд.

Вступление в литературу и во взрослую жизнь проходит под знаком «Нравоучительных басен» Гольберга. В тексте «Чистосердечного признания...» не приводятся сами басни и нет ссылок на их содержание. Одна-

ко при реконструкции обстоятельств вступления Фонвизина на литературную стезю прослеживается скрытый параллелизм. Книгопродавец, заказавший переводы, расплатился не деньгами, а книгами: «Но какие книги! Он, видя меня в летах бурных страстей, отобрал для меня целое собрание книг соблазнительных, украшенных скверными эстампами, кои развратили мое воображение и возмутили душу мою» (89). Перевод «Нравоучительных басен» оборачивается грехопадением автобиографического героя. Страсть к переводу чуждых убеждений парадоксальным образом трансформируется в страсть плоти, о которой рассказывает искренно и с раскаянием: «И кто знает, не от сего ли времени началась скапливаться та болезнь, которую я столько лет стражду? О вы, коих звание обязывает надзирать над поведением молодых людей, не допускайте развращаться их воображению, если не хотите их гибели! Узнав в теории все то, что мне знать было еще рано, искал я жадно случая теоретические мои знания привести в практику» (89).

Становление личности автобиографического героя происходит в Москве, город ассоциируется писателем с отчим домом. Отец навсегда останется

ся для Фонвизина живым примером добродетели и мудрости. Лучшие отцовские качества наследуются героем «Чистосердечного признания...». В болезненных недугах (сильных головных болях, по-видимому, наследованных по женской линии) Фонвизин также увидит высший промысел: «...головная боль послужила мне и к доброму, а именно не допустила меня сделаться пьяницею, к чему имел я великий случай и склонность» (89).

Первый переход границы семантического поля *дома*

Временный выход героя из семантического поля дома связан с первой поездкой в Петербург: «В сие время тогдашний наш директор вздумал ехать в Петербург и везти с собою несколько учеников для показания основателю университета плодов сего училища. Я не знаю, каким образом попал я и брат мой в сие число избранных учеников» (91). Подобное перемещение в пространстве имеет явные мифологические черты. Пересечение границ семантического поля воспринимается как сакральный акт преодоления-посвящения. При всех пространственно-временных приметах, связанных с древним архети-

пическим мотивом (зимнее время, трудность перемещений, малолетство учеников), актуализируется прежняя топика отчего дома, которая искупает трудность пути: «тягость нашу облегчало весьма милостивое внимание начальника. Он и супруга его имели смотрение за нами, как за детьми своими; и мы с братом, приехав в Петербург, стали в доме родного дяди нашего» (91-92). Образы внимательного начальника и его милостивой супруги совместно с пространством родного дома, которое чудесным образом расширяется до пределов Петербурга, воссоздают исконную целостность восприятия автобиографическим героем внешнего мира. Вновь, несмотря на взросление героя и его новый статус ученика, биографическое время не является сюжетообразующим. Членение «Чистосердечного признания...» на книги, соответствующие периодам автобиографии, представляется условным и, с точки зрения поэтики текста, не совпадающим с первоначальным замыслом, заявленным во Вступлении.

Зимнее путешествие из Москвы в Петербург не имеет ни пространственных, ни хронологических маркеров. Более того, оно мыслится в категориях сказочного времени: дол-

гая дорога не описывается, перемещение происходит в миг. В действительности санный поезд отправился из Москвы приблизительно 15 декабря 1759 г., вернулись же москвичи в родной город лишь в конце марта 1760 года.

Напротив, пребывание группы учеников в Петербурге описывается достаточно подробно. Промежуток между приездом в Петербург и представлением Шувалову и Ломоносову осмысливается во временных категориях. Локус Петербурга приобретает сакральные черты, великий Ломоносов воспринимается автобиографическим героем одновременно в духе и античной, и агиографической традиции. Латынь, на которой общается ученый с гимназистами, - это и язык античного красноречия, и один из сакральных языков христианства. Как и в детстве, герой «Чистосердечного признания...» поражен эстетикой и благолепием окружающей действительности.

Описание, как тип речи, редко встречается в произведениях Фонвизина, однако великолепия двора настолько поражает молодого человека, что он невольно соотносит пространство Петербурга с Эдемом, а куртаги двора императрицы уподобляет благо-

лепию воскресной церковной службы. Неслучайно время в локусе, связанном с жизнью двора, приостанавливается: один день, насыщенный встречей с Шуваловым и Ломоносовым, с фрейлинами императрицы, знакомством с дворцом, воспринимается читателем как значимое художественное событие в мире героя

И автобиографический сюжет, и сюжет волшебной сказки предполагают одного-единственного героя. В данном случае возвращение героя из мира столичной жизни в домашнюю обстановку не сопровождается сказочным перемещением в пространстве. Путь обратно чрезвычайно значим в сказочном двоёмии, но в «Чистосердечном признании...» он не изображается и даже не оговаривается. Предполагаем, что связующим звеном между Петербургом и Москвой становится обретение даров духовного порядка. Символический акт передачи эстафеты научного знания и любви к слову от Ломоносова, открытие мира театра и возможность приобщения к нему предопределяют дальнейшее развитие сюжета «Чистосердечного признания...», который мыслится как бесконечный путь домой и определяется исповедальным дискурсом.

«В 1762 году был уже я сержант гвардии...»: культ государственной службы

Начиная с этого момента сюжет «Чистосердечного признания...» обуславливается инициативой героя, которая приобретает личностный характер и зависит от его нравственного выбора. Из сказочного времяпространства, где проблема выбора отсутствует, автобиографический герой попадает в иную ситуацию, которая теряет прежнюю топику родительского дома и начинает играть новую формообразующую и смысловозначительную роль. 1762 г. вошел в историю России отнюдь не как время зачисления Фонвизина в студенты и присвоения ему чина сержанта гвардии. Для современников писателя было ясно, что за точной датой скрываются аллюзии, связанные с политическими потрясениями: государственный переворот, совершенный Екатериной II, и ее спешная коронация в Москве 22 сентября 1762 г. Естественно, об этом в «Чистосердечном признании...» нет ни слова. Столь важные события изображены пристрастным образом: «По счастью моему, двор прибыл в Москву...» (94). Таким образом, автобиографический герой делает осознанный

выбор и военной службе предпочитает дипломатическую, связанную с литературным творчеством.

Вступление в государственную службу в тексте «Чистосердечного признания...» вновь соотносится с переводческой деятельностью. Стремительный карьерный рост от сержанта до капитан-поручика связан с должностью переводчика иностранной коллегии. Помощь влиятельных покровителей, князей Голицыных, никаким образом в повествовании Фонвизина не отмечена. Привлечение автобиографического героя на службу в иностранную коллегию мотивировано исключительно талантом переводчика: «...тогдашний вице-канцлер взял меня в иностранную коллегию переводчиком капитан-поручичья чина, чем я был доволен. А как переводил я хорошо, то покойный тогдашний канцлер важнейшие бумаги отдавал именно для перевода мне» (II: 94). Этим вице-канцлером, сыгравшим значительную роль в карьере Фонвизина, был А. М. Голицын.

Для автора «Чистосердечного признания...» важен сам факт самостоятельного вступления во взрослую жизнь, поэтому мотив возвращения домой замещается мотивом передвижения в пространстве. В тексте не

изображаются ни протекционизм со стороны родственников, ни трудность поступления на должность переводчика. В действительности Фонвизин составлял челобитную на имя императрицы с приложением текстов двух переводов. Кроме того, кандидат на подобную ответственную должность обязан был сдать экзамен на знание трех иностранных языков (помимо переводов с латинского и французского). Фонвизин с успехом выдержал испытание, отчего был по-настоящему счастлив. Однако данные биографические подробности опускаются, несмотря на то, что это благодатный материал для «чувствительного» автора.

Отъезд в столицу представлен в «Чистосердечном признании...» в ряду пространственных перемещений взрослой жизни и вроде бы никак специально не отмечен: «В 1763 году ездил я в Петербург; но в иностранной коллегии остался недолго» (94). «За кадром» остается переезд двора в Санкт-Петербург (июнь 1763 г.) и переход на службу в Семеновский полк младшего брата Павла. Однако подробнейшим образом описывается назначение Фонвизина секретарем кабинет-министра И. П. Елагина: «Один кабинет-министр имел надобность взять кого-нибудь из коллегии;

а как по «Альзире» моей замечен был я с хорошей стороны, то именным указом ведено мне было быть при том кабинет-министре. Я ему представился и был принят от него тем милостивее, что сам он, прославясь своим витийством на русском языке, покровительствовал молодых писателей» (94-95).

Новый начальник воспринимается автобиографическим героем в качестве милостивого покровителя. Таким образом, в тексте «Чистосердечного признания...» мотив *дома*, связанный с культом отца, замещается мотивом и культом государственной службы. Однако культурный уровень родовой памяти сворачивается внутрь, а не исчезает вовсе: «он переходит в потенциальное бытие, дожидаясь своего часа»¹².

Образ отца приобретает в сознании Фонвизина черты библейского Иакова, который стоит во главе многочисленного семейства. Себя же начинающий писатель уподобляет Иосифу. Вновь, как и в первый приезд в Петербург, светским развлечениям он предпочитает переписку с родными (См.: 336). Известно, что в это время

12 Виротайнен М.Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. – СПб.: Амфора, 2003. – С. 36.

Фонвизин постится, посещает заутрени, обедни и вечерни, укрепляя дух в богомыслии.

Находясь в петербургском локесе, автобиографический герой не только не ощущает его своим, но даже чувствует себя вне границ данного семантического поля. Он как будто дышит московским воздухом, а светская жизнь и служебные обязанности не затрагивают глубинных чувств его души. Из биографии Фонвизина известно, что в период с 1765 по 1769 гг. он посещает Москву три раза, причем в 1765 г. он встречает Рождество в отчем доме, а в январе 1767 г. вновь приезжает в Москву, где живет целый год. Конечно, данные факты можно объяснить тем, что начальник Фонвизина Елагин входит в свиту Екатерины II, которая вместе со всем двором прибывает в Москву для участия в Комиссии об Уложении. Фонвизин сопровождает своего начальника, однако позже получает полугодовой отпуск, который вновь проводит в Москве. Окончательный переезд в Петербург по настоятельной просьбе Елагина происходит лишь весной 1769 года. Можно сделать вывод, что важный момент в жизни Фонвизина, связанный с нравственным борением и проблемой выбора, в тексте «Чисто-

сердечного признания...» опущен сознательно.

Преодоление границы семантического поля *дома*

Окончательный переход границы семантического поля Москвы, связанного теперь не только с родительским домом, но и с искренней и безнадежной любовью, происходит неожиданно и без всяких мотивировок: «Я приехал в Петербург и привез с собою “Бригадира” и “Иосифа”» (97).

Успех автобиографического героя при дворе обуславливается особым умением читать собственные сочинения. Публичное чтение при дворе Екатерины II освящается фигурой императрицы. В первое посещение Петербурга императрица так и не вышла к московским гимназистам. На этот раз она приглашает молодого литератора для чтения его произведения в Эрмитаж: «В самый Петров день граф прислал ко мне спросить, еду ли я Петергоф, и если еду, то взял бы с собою мою комедию «Бригадира». Я отвечал, что исполню его повеление. В Петергофе на бале граф, подошед ко мне, сказал: “Ее величество приказала после балу вам быть к себе, и вы с комедиєю извольте идти в Эрмитаж”» (97). Таким

образом, автобиографический герой чувствует свою избранность и считает отныне литературную деятельность благословленной самой императрицей. Екатерина II даже произносит несколько слов для поддержки оробевшего молодого человека, что воспринимается им как знамение будущей прославленной творческой жизни.

Знаковым моментом, характеризующим новое отношение автобиографического героя к миру Петербурга, становится употребление в тексте «Чистосердечного признания...» имен собственных. Если раньше все персонажи были анонимны (исключение составляли актеры Ф. Г. Волков и И. А. Дмитревский, а также герцогиня Мекленбург-Шверинская), то теперь в связи с окончательным утверждением героя в Петербурге полные имена, отчества, фамилии, дворянские титулы становятся неотъемлемой составляющей описываемой действительности и служат знаком признания ее автором. Так, среди поклонников писательского дара Фонвизина названы А. И. Бибиков и граф Г. Г. Орлов.

Этой же цели служит и частое употребление топонимов, которые ориентируют читателя в столичном пространстве. Петербург, Петергоф, Эрмитаж – все эти наименования про-

странства определяют географический предел нового семантического поля, манифестированного уже в качестве «своего», а не «чужого» места. Показателен и сам день, в который автобиографический герой получает приглашение выступить перед императрицей. Петров день становится точкой временного отсчета для героя, началом признания его писательского таланта, чудесным образом совместившим память об апостоле Петре и о Петре Великом - основателе Санкт-Петербурга. Автобиографический герой становится петербургским писателем, чей авторитет освящается и религией, и государством. Истинность творчества приобретает еще один аспект: святость подчиняется идее государственности, которая сакрализуется. Неслучайно триумф начинающего литератора происходит в резиденции императрицы, и сама она является заинтересованным слушателем. Кроме того, имя Петра в столичной топонимике удваивает сакральность власти, что, в свою очередь, учреждает новый принцип творчества и тип поведения писателя Нового времени. Теперь именно государственная служба превращается в служение Отчеству, одновременно ведущее к спасению души и поклонению Богу.

Совершенный возраст автобиографического героя

Книга третья начинается с чтения героем Библии – первоосновы обретенной веры. Библейский текст становится отправной точкой для размышления о «Высшем существе»: «Итак, отправился я с начальником моим в Царское Село, в твердом намерении упражняться в богомыслии; а чтоб было мне из чего почерпнуть правила веры, то взял я с собою русскую библию; для удобнейшего же понимания взял ту же книгу на французском и немецком языках» (II: 101). Будучи опытным переводчиком, автобиографический герой пытается путем сравнительного анализа нескольких переводов текста Священного Писания уяснить истинный смысл Божьего слова.

А. Стричек предположил, что интерес обретения веры подпитывался русским обычаем: Фонвизин «открывал Библию наугад, считая Божественным откровением первую фразу, которая попадалась ему на глаза»¹³ (Стричек 1994, 182). Будто бы фраза из «Чистосердечного признания...» как

раз на это и указывает: «Первое утро открыл я библию, и мне как нарочно встретилось место, которое весьма приличествовало моему намерению, а именно глава VI Второзакония:

“И да будут тебе словеса сия, яже аз заповедаю тебе днесь, в сердце твоём и в душе твоей; и да накажеша ими сыны твои, и да глаголеши о них сидя в дому, и идый путем, и лежа, и восстал”» (101).

Чтобы понять истинный смысл цитаты, необходимо восстановить ее библейский контекст. Текст «Чистосердечного признания...» отсылает ко всей VI главе, которая начинается словами: «Вот заповеди, постановления и законы, которым повелел Господь, Бог ваш, научить вас, чтобы вы поступали так в той земле, в которую вы идете, чтоб овладеть ею» (Втор. 6. 1). Предшествующая V глава Второзакония как раз и содержит основу Ветхого Завета – знаменитые десять заповедей. Думается, что *чудесно* открывшееся место из Священного писания есть не что иное, как свидетельство сознательного выбора истинного пути. Чистосердечно признаваясь в делах и помышлениях, автобиографический герой воспринимает слова пророка Моисея как руководство к действию: «Смотрите, поступайте так, как повелел вам Господь,

13 Стричек А. Денис Фонвизин. Россия эпохи Просвещения. – М.: Прометей, 1994. – С. 182.

Бог ваш; не уклоняйтесь ни направо, ни налево» (Втор. 5. 32).

Размышления о «Высшем существе» соотнесены в «Чистосердечном признании...» с утренними прогулками в Царскосельском саду. Мотив сада вновь становится импульсом сюжетного развертывания, связанного с обретением истинного пути: «Время было прекрасное, и я положил каждое утро ходить в сад и размышлять» (II: 101). Встреча в саду Петергофа с Н. И. Паниным предопределила истинное служение Отечеству, а встреча в саду Царского Села с Г. Н. Тепловым укрепила в вере.

Примечательно, что автор «Чистосердечного признания...» постепенно заменяет форму диалога персонафицированными репликами. «Я намерен сию беседу описать здесь, сколько могу вспомнить.

Я. Я вижу, что безбожники разделяются на несколько классов: одни суть невежды и глупые люди. Они никогда ничего внимательно не рассматривают, а прочитав Волтера и не поняв его, отвергают бытие божие, для того что полагают себе славою почитаться выше всех предрассудков, ибо они считают предрассудком то, чего слабый их рассудок понять не может.

Григорий Николаевич. Сии людишки не не веруют, а желают, чтобы их считали неверующими, ибо вменяют себе в стыд не быть с Волтером одного мнения. Я знаю, что Волтер развратил множество молодых людей в Европе; однако верьте мне, что для развращения юношества нет нужды ни в Волтеровом уме, ни в его дарованиях. Граф, у которого вы обедали, сделал в России не меньше разврату Волтерова, имев голову довольно ограниченную. Я знаю, что молодого слабенького человека может развратить такой, кто еще ограниченнее графа; пример сему видел я на сих днях моими глазами...» (II: 101-102).

Из разговора следует, что и Теплов, и автобиографический герой склонны видеть в безбожниках главную причину повреждения нравов. Дается целая типология безбожников, а самый главный из них – П. П. Чебышев, обер-прокурор Святейшего Синода.

Теплов рекомендует герою ознакомиться с размышлениями С. Кларка, которые доказывали бытие Божие. Фолиант был выписан Фонвизинным из Петербурга – французский перевод знаменитой книги английского автора, именуемой в тексте «Чистосердечного признания...» «Самуэля Кларка доказательства бытия божия и истины хри-

стианския веры» (104). В этом произведении Кларк остроумно оспаривает тезисы Гоббса и Спинозы, обращаясь для доказательства основ христианской веры к чистому разуму. Хотя христианская догматика не предполагает оправдания веры разумом, для Фонвизина, человека XVIII столетия, рациональные доводы Кларка были важны: «Между тем, будучи воспитан в христианском законе и находя заповеди Христовы сходственными с моим собственным сердцем, думал я: “Если Кларк доказал бытие божие неоспоримыми доводами, то как бы я был доволен, найдя в его творениях доказанную истину христианского исповедания”» (104).

Книга Кларка перечитывалась Фонвизиним несколько раз, затем был сделан ее реферат на русском языке, однако судьба данной рукописи неизвестна. О ней мы узнаем из последней фразы не оконченного Фонвизиним «Чистосердечного признания...»: «Как бы то ни было, я последовал совету Григорья Николаевича и сделал выписку из Кларка. Недавно я ее читал и нахожу за нужное поправить нечто в слоге, а в прочем выписка годится. В самом конце моих «Признаний» я ее прилагаю, сердечно желая, чтобы труд мой принес хотя некоторую пользу благомыслящим читателям...»

(105). На этом неоконченный текст Фонвизина прерывается.

Заключение

Несмотря на фактическую незавершенность сюжет «Чистосердечного признания...» оказывается закольцован: ветхозаветная традиция обращения к Богу, утвержденная авторством и авторитетом царя Давида, причудливым образом трансформируется в доказательство истинности христианской веры просвещенным разумом. Однако теперь сакральную для Фонвизина функцию выполняет не отец, а государственный Г. Н. Теплов и философ С. Кларк, убеждая автобиографического героя и читателя в насущной необходимости веры в Бога и пагубности прельщения любыми формами атеизма.

Художественный мир автобиографического героя отличается от мира реальной действительности иного рода системностью. Эта системность задается особым хронотопом и такими категориями исторической поэтики, как жанр и автор. Появление нового жанрового образования, каким является «Чистосердечное признание...» Фонвизина, было обусловлено совершенно конкретной стадией развития словесного творчества конца 1780 – начала 1790-х годов.

Библиография

1. Аверинцев С.С. Собрание сочинений / Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. – Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. – 912 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худ. лит-ра, 1975. – 504 с.
3. Виролайнен М.Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. – СПб.: Амфора, 2003. – 503 с.
4. Кочеткова Н.Д. Фонвизин в Петербурге. – Л.: Лениздат, 1984. – 238 с.
5. Кулакова Л.И. Денис Иванович Фонвизин. – М.; Л.: Просвещение, 1966. – 168 с.
6. Макогоненко Г. П. Денис Иванович Фонвизин: Творческий путь. – М.; Л.: Гослитиздат, 1961. – 443 с.
7. Пигарев К.В., Фридлиндер Г.М. Фонвизин // История всемирной литературы: В 9 т. Т. V. – М.: Наука, 1988. – С. 381-385.
8. Романова Г.И. Автобиография // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. – М.: Интелвак, 2003. – Стб. 16.
9. Руссо Ж.-Ж. Избранные произведения: В 3 т. Т. 3. – М.: ГИХЛ, 1961. – 726 с.
10. Стричек А. Денис Фонвизин. Россия эпохи Просвещения. – М.: Прометей, 1994. – 510 с.
11. Тамарченко Н.Д. Литература как продукт деятельности: теоретическая поэтика // Теория литературы. В 2 т. Т. 1. – М.: Академия, 2004. – С. 106-473.
12. Фонвизин Д.И. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях // Собрание сочинений: В 2 т. – М.; Л.: ГИХЛ, 1959. – С. 81-104.

The boundaries of the autobiographical Fonvizin's text "Confession in my doings and thoughts"

Rastyagaev Andrei Viktorovich

Full Doctor of Philology, associate professor,
Samara Branch of the Moscow City Pedagogical University,
P.O. Box 4431084, Stara-Zagora str., No. 76, Samara, Russia;
e-mail: avr67@yandex.ru

Abstract

The article focuses on the boundaries of Fonvizin's text "Confession in My Doings and Thoughts". Author of the study considers the artistic event as a transition of semantic field by autobiographical hero. Opposition Moscow vs. St. Petersburg is important for the author of the plot, and to the world of the hero. Temporal and spatial boundaries of text are moving, since the outside and inside look at the art event for the author and the hero is often not the same. This gives the reader an additional opportunity to get closer to its interpretation of the unfinished text of Fonvizin.

Modern literature gives examples of a non-medieval autobiographical narrative. Synthesis of new genre forms occurs by impurities of different genre models, transforming the original genre of invariants. Dominant genre of this fundamentally new synthesis – the internal measure defined by an art event, which limit is the art world of autobiographical hero.

Similar processes are responsible for the dominant genre of memoirs of the XVIII century. One of them – "Confession ..." by Fonvizin. The text of this autobiographical note presents philological interest as a work of art, as a self-contained world, a new aesthetic reality. Art world of autobiographical hero different from the real world of a different kind. This system is given by a particular chronotope and such categories as genre and author.

Keywords

Russian literature, 18th century, Fonvizin, border, a confession, art event.

References

1. Averintsev, S.S, Averintseva, N.P., Sigova, K.B. (2006), *Collected Works [Sobranie sochineniy]*, DUKh I LITERA, Kiev, 912 p.
2. Bakhtin, M.M. (1975), *Problems of Literature and Aesthetics [Voprosy literatury I estetiki]*, Khud. lit-ra, Moscow, 504 p.
3. Virolainen, M.N. (2003), *Speech and silence: the story and myth of Russian literature [Rech I molchanie: suzhety I mify russkoy slovesnosti]*, Amfora, St. Petersburg, 503 p.

4. Kochetkova, N.D. (1984), *Fonvizin in St. Petersburg* [*Fonvizin v Petersburge*], Lenizdat, Leningrad, 238 p.
5. Kulakova, L.I. (1966), *Fonvizin Denis Ivanovich* [*Denis Ivanovich Fonvizin*], Prosveshchenie, Moscow-Leningrad, 168 p.
6. Makogonenko, G.P. (1961), *Denis Ivanovich Fonvizin: creative way* [*Denis Ivanovich Fonvizin: Tvorcheskii put'*], Goslitizdat, Moscow-Leningrad, 443 p.
7. Pigarev, K.V., Fridlender, G.M. (1988), "Fonvizin", *History of World Literature: In 9 vols. Vol. V* ["Fonvizin", *Istoriya vseмирnoi literatury: V 9 t. T. V*], Nauka, Moscow, pp. 381-385.
8. Romanova, G.I., Nikolyukin, A.N. (2003), "Autobiography", *Literary Encyclopedia of terms and concepts* ["Avtobiografiya", *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii*], Intervak, Moscow, Col. 16.
9. Rousseau, Jean-Jacques (1961), *Selected Works. In 3 vols. Vol. 3* [*Sobranie sochinenii. V 3 t. T. 3*], GIHL, Moscow, 726 p.
11. Strichek, A. (1994), *Denis Fonvizin. Russian Enlightenment* [*Denis Fonvizin. Rossiya epokhi Prosveshcheniya*], Prometei, Moscow, 510 p.
12. Tamarchenko, N.D. (2004), "Literature as a product of the activity: theoretical poetics", *Theory of literature. In 2 vols. Vol. 1* ["Literatura kak produkt deyatel'nosti: teoreticheskaya poetika", *Teoriya literatury. V 2 t. T. 1*], Akademiya, Moscow, pp. 106-473.
13. Fonvizin, D.I. (1959), "Confession in my doings and thoughts", *Collected Works* [*Chistoserdechnoe priznanie v delakh moikh i pomysleniyakh // Sobranie sochinenii: V 2 t.*], GIHL, Moscow-Leningrad, pp. 81-104.